

Телепродюсер
Евгений Завалин

МАРИНА СЕРОВА

VIP-персона
для грязных
дел

Повесть

Господин
легкого
поведения

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Марина Сергеевна Серова
VIP-персона для грязных дел
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167061

Серова М. С. VIP-персона для грязных дел. Господин легкого поведения:

Повести: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-15478-7

Аннотация

Несладко пришлось на этот раз телохранителю Евгении Охотниковой. Ее клиентом стал пожилой антиквар, несносный деспот, вздумавший полностью подчинить себе знаменитого бодигарда. Он живет среди ценнейших вещей, но сама квартира – настоящий хлев, а хозяин чуть ли не корки сухие жует. От жадности, разумеется! И все же главная цель Охотниковой – не просто молча выслушивать дурацкие приказы, а охранять ворчуна от смертельной опасности. Старикашку беспокоят не только обычные отморозки, но и собственные родственники, которые, как он уверен, спят и видят его в гробу...

Содержание

1	4
2	32
3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марина СЕРОВА VIP-ПЕРСОНА ДЛЯ ГРЯЗНЫХ ДЕЛ

1

Несколько дней подряд температура воздуха не опускалась ниже тридцати восьми градусов в тени. На ярко-голубом, безоблачном небе огненным шаром пылало солнце. Его жаркие лучи вынуждали все живое немедленно искать укрытие. Для нашего провинциального городка вполне типичный климат середины июля. Приезжие же часто сетовали, что в Африке прохладнее, чем в Тарасове в июле, но они просто не были в Тарасове в августе прошлого года, когда температура в тени доходила до сорока двух.

Я блаженствовала в прохладе кондиционеров в маленьком уютном кафе в центре города у площади Ленина, наблюдая через витринное стекло за людьми, снующими по раскаленной улице. Думать о том, что мне скоро снова выходить в этот ад, вовсе не хотелось. Утренняя пробежка вспоминалась, как нескончаемый кошмар. Несмотря на то что я поднялась в половине шестого, бежать пришлось в душном мареве, понимавшемся от не остывшего за ночь асфальта. Де-

сять километров показались мне двадцатью, однако на завтра я запланировала повторить это истязание, но не потому, что была мазохистской, а потому что понимала, как важны в моей профессии каждодневные тренировки, самоконтроль, сила и выносливость. Ведь я – телохранитель и от меня зависят жизни клиентов.

Улыбчивая молоденькая официантка принесла мне заказанный пломбир с ромом и поинтересовалась, не желаю ли я еще чего-нибудь, какие-нибудь прохладительные напитки или что посущественнее. Я ответила, что если захочу чего-либо, то она будет первой, кто узнает об этом. Забрав поднос, официантка удалилась. Мороженое оказалось на редкость вкусным. У меня даже появилась мысль, а не добавили ли в него настоящего выдержанного рома. Но потом, вспомнив о цене мороженого, я отмела эти предположения. В лучшем случае практически безвредная ромовая эссенция из спирта и уксуса, в худшем – новомодное импортное соединение с труднопроизносимым названием. Семи смертям не бывать – решила я и одним махом прикончила мороженое. Когда я уже начала подумывать о новой порции понравившегося десерта, из сумочки послышалась музыка из фильма «Смертельная битва», возвещавшая, что кто-то хочет со мной поговорить. Я вытащила мобильник, взглянула на дисплей – незнакомый номер. Неужели после недели бездействия долгожданный клиент? От этой мысли в душе поднялась радостная волна. Я ответила.

– Здравствуйте, Евгения Максимовна. Вас беспокоит Владислав Авдеев – директор туристического агентства «Санвей», – раздался в трубке мужской голос. – Мы не знакомы, но мне вас посоветовали как высококлассного телохранителя, и если вас это не затруднит, я хотел бы обсудить с вами мое дело. Мне как раз требуются услуги специалиста вашего класса.

– Можно узнать, кто меня порекомендовал? – осторожно спросила я. Не хотелось бы влезть в западню, устроенную каким-нибудь обиженным бандитом, вышедшим недавно из тюрьмы, или родственниками наемного убийцы, осерчавшими, что я так круто обошлась с ним, защищая жизнь клиента. По роду своей работы мне пришлось многих огорчить. Я разрушила сотни коварных планов, уберегла от неминуемой смерти не один десяток человек. Да и тюрьмы, и больничные палаты благодаря моей помощи, пополнялись с завидной регулярностью.

– Шпаро Анатолий Иванович, директор химкомбината. Помните такого? – ответил мужчина и добавил: – Это мой клиент. Как-то раз он дал мне ваши координаты.

– Если честно, не помню такого, – призналась я, перебрав в уме всех своих знакомых клиентов.

Авдеев попытался описать внешность этого самого Шпаро, но, несмотря на все старания, я не смогла вспомнить личность директора химкомбината.

– Хватит. Я не помню его, – прервала я Авдеева. – Скорее

всего я охраняла кого-нибудь из его знакомых или родственников. Вкратце расскажите о своем деле. Кстати, знаете тарифы на мои услуги?

– Нет. Анатолий Иванович говорил, но я не запомнил, – сконфуженно пробормотал директор туристического агентства.

Я назвала сумму гонорара.

– Думаю, подойдет. Да и дело не сложное, – сказал Авдеев. – А вот насчет обстоятельств я хотел бы поговорить с вами лично, скажем, вечером, в половине девятого. В «Горыныче» вас устроит?

– А может, где-нибудь в другом месте? – спросила я, не очень-то мне нравился контингент, собиравшийся в «Горыныче».

– Дело в том, что я уже договорился о столике, а времени в обрез, – заявил Авдеев. – Все вопросы нужно решить сегодня, завтра утром я улетаю в Москву.

– Хорошо, в половине девятого в «Горыныче», – согласилась я. – Как я вас узнаю?

– Я высокий блондин, женщины говорят, что симпатичный, – начал описывать себя Авдеев. Он задумался, а потом выпалил: – Да не умею я этого... Мужик как мужик. Просто назовете свою фамилию при входе, и вас проводят к столику, я там предупрежу на ваш счет кого следует.

– Хорошо, – буркнула я.

– А вы как выглядите? – заискивающе спросил Авдеев.

– Высокая, красивая, темно-каштановые волосы средней длины, голубые глаза. Буду в бордовом платье.

Новоиспеченный клиент попрощался. Я уже собралась положить телефон в сумочку, как он снова издал мелодию, на этот раз «Подмосковные вечера».

– Да, тетя, что у тебя там стряслось? – спросила я любимую тетушку, в квартире которой я проживала вот уже несколько лет.

– Женя, ты обедала? Наверняка нет – затараторила тетя Мила в трубку.

– Я как раз обедаю, – соврала я, – обед из трех блюд: щи, каша с мясом и компот – вкусная и здоровая пища.

– Где ты сейчас видела, чтобы продавали что-нибудь вкусное и полезное? – ехидно поинтересовалась тетя. – Сплошные химикаты и консерванты, да еще генетики что-то там мудрят, скрещивают картошку с колорадским жуком. А ты говоришь «здоровая пища».

– Не волнуйся. Я приду домой и устрою себе второй обед, – пообещала я.

– Женя, переедать вредно, – предупредила меня тетя Мила строго.

– Тетя, я сейчас сойду с ума от твоих разговоров, – пригрозила я ей.

– Не сойдешь, – ворчливо ответила тетя Мила и наконец поведала, зачем звонила. – В доме закончились продукты, мое солнышко. Не могла бы ты заехать в супермаркет на Ме-

тизной?

Магазин, о котором говорила тетя Мила, находился в противоположной части города.

– А в другой нельзя? – поинтересовалась я. – Тут рядом с кафе есть «Магнит».

– Нет, только на Метизной, – отрезала тетя. – Там и продавцы у меня знакомые. Тебя узнают и не станут обвешивать и обсчитывать.

– Можно подумать, что меня всегда обманывают в магазинах, – недовольно пробормотала я.

– А помнишь случай с колбасой? – не преминула напомнить тетя Мила.

– Тетя, про это мне не напоминай, – застонала я.

Тогда меня ранили, и я была не в лучшей форме, но чтобы скрыть случившееся от тети, я зашла, как и обещала, за продуктами в какой-то ларек на улице. Продавец по внешнему виду, наверное, решил, что я вконец обколовшаяся наркоманка, и, недолго думая, свалил мне в пакет весь залежалый товар. Пакет я оставила на кухне в холодильнике, затем быстро проскользнула в комнату мимо сонной тети и забравшись в постель, притворилась спящей. Тетя решила меня не беспокоить. Она не заметила повязки на бедре, скрытой одеялом, и до сих пор не знает, что меня тогда ранили. Однако утром меня ждала лекция о правильном выборе продуктов на рынке и в магазинах города с демонстрацией содержимого моего пакета. Особенно тетю вдохновляла зеленоватая с

плесенью палка колбасы, источающая непередаваемые ароматы испорченного мяса. Позже мне пришлось вернуться в ларек и переговорить с продавцом по душам.

– Женя, слушай в таких делах меня. Ты молодая, неопытная, – продолжала бубнить тетя Мила. – Я же хочу тебе добра.

– Знаю, – вздохнула я тяжело. – Все будет выполнено в соответствии с твоими инструкциями.

Мой ответ удовлетворил тетю Милу. Она продиктовала мне список продуктов, который едва поместился на двух листах записной книжки.

Без сомнения, в магазине я буду почетным посетителем, решила я и, расплатившись за мороженое, отправилась в ближайший «Магнит».

Тетя внимательно проверила сроки годности, пробитые на упаковках принесенных мною продуктов, потом облегченно вздохнула:

– Вот видишь, все в порядке. А пошла бы в другой магазин – обязательно подсунули бы что-нибудь просроченное.

– Угу, – ответила я, ловко очищая тарелку от щей с бараниной. Готовила тетя превосходно. Я же из-за постоянных тренировок все время хотела есть.

Пообедав, я начала размышлять о предстоящем ужине в «Горыныче». Вряд ли враги станут заманивать меня в модное место, чтобы расправиться. Проще устранить человека прямо на улице, у дома или в подъезде. И вообще, не стоит

ломать голову всякими теориями, решила я. Если в «Горыныче» меня будут ждать сюрпризы, следует прийти туда во всеоружии.

Я занялась подготовкой «аксессуаров» для предстоящего вечера. Почистила, смазала и зарядила свой револьвер, положила в сумочку электрошок и газовый баллончик. Взгляд упал на набор ножей. «Нет, – одернула я себя мысленно, – в конце-то концов я не готовлюсь к боевой операции в амазонской сельве, а иду на ужин в ресторан».

Заметив на мне бордовое вечернее платье, тетя Мила хитро прищурилась.

– У тебя свидание?

Я обернулась от зеркала и спросила:

– С чего это такие мысли, тетя?

– Кто он? Он симпатичный? – засыпала меня тетя Мила вопросами.

– Если судить по тому, что он мне сказал по телефону, он что-то среднее между Аполлоном и Бредом Питтом, – сказала я с сарказмом, – работает директором туристического агентства. Фамилия Авдеев, зовут Владислав. Еще что-нибудь?

– Возраст? – не унималась тетя Мила. – И где вы познакомились?

– Где, где, – пробубнила я, задумавшись, – на улице.

– Ой, темнишь ты что-то, – протянула тетя, посмотрев на меня долгим взглядом. – А где он живет? Он местный?

– Тетя, такое ощущение, что я в КГБ на допросе шестой ступени, – возмутилась я.

– Что за шестая ступень? – заинтересовалась тетя Мила.

– Шестая ступень вопроса – это доведение допрашиваемого до отчаяния, – пояснила я. – Первая ступень допроса – разговор по душам, вторая – унижение, третья – запугивание, четвертая – повторение, а пятая – обман.

– Ой, нахватались ты в своей Ворошиловке всякой ерунды, – всплеснула руками тетя Мила. – Его-то хоть не напугай своими разговорами, а то убежит.

– Не убежит, – улыбнулась я хищно, изображая женщину-вамп. – У меня с собой газовый баллончик.

– Ой, Женя, Женя! С таким подходом ты никогда не выйдешь замуж, – покачала головой тетя Мила.

– Все будет хорошо, – пообещала я, чмокнула тетю в щеку и побежала в комнату за сумочкой.

– Не рассказывай ему, чем ты занимаешься, – напутствовала меня напоследок тетя Мила. – Скажи, что ты учительница или лучше бухгалтер. Мужчины любят бухгалтеров.

– С чего это вдруг именно бухгалтеров? – не смогла скрыть я своего удивления и высунулась из комнаты в ожидании ответа.

– У меня подружка была, работала бухгалтером, так у нее от поклонников отбоя не было, – объяснила свою теорию тетя Мила.

– Понятно, – пробормотала я. – Скажу, что я главный

бухгалтер. – Сняв платье, я скользнула по нему утюгом, после чего повесила на плечики, а оставшееся до встречи время скоротала, просмотрев парочку новых фильмов из своей коллекции.

Потом тетя Мила приготовила ароматный кофе, и мы вместе, удобно устроившись на кухне, пили его из маленьких фарфоровых чашек, болтая о всякой ерунде.

– Ну, мне пора, – спохватилась я, поглядев на часы. Тетя Мила, вздохнув, начала мыть чашки, а я бросилась одеваться. Солнце медленно клонилось к закату, но особенного облегчения это не принесло. Горячий асфальт пылал жаром. В воздухе, казалось, не было кислорода вовсе.

Мой «Фольксваген» ждал меня на платной стоянке за домом.

К «Горынычу» я подкатила без двадцати девять. Даже несмотря на экстремальную езду, я не смогла выиграть необходимое мне время.

– Что ж, подождет, если ему так необходимы мои услуги, – подумала я, с досадой окидывая взглядом площадку перед рестораном. «Фольксваген» я поставила рядом с навороченным джипом «Чероки» и двинулась к входу.

Ресторан «Горыныч» представлял собой двухэтажное здание, в котором неизвестный архитектор попытался соединить рыцарский замок, собор Василия Блаженного и бревенчатый терем. Над входом возвышалась уродливая четырехметровая фигура трехголового змея с разинутыми пастьми,

из которых вяло валил дымок.

Ничего подозрительного у входа в ресторан я не заметила. Только перед самым входом стояла старая, кофейного цвета «четверка» с мутными стеклами.

Я замедлила шаг, разглядывая подозрительные «Жигули». Из-за угла здания появился небритый, наглого вида субъект в синем промасленном комбинезоне с потертым портфелем в руке, из которого торчала связка тонких медных трубок. Решительным шагом человек подошел к «четверке» и, открыв багажник, засунул в него портфель. Вслед за субъектом в комбинезоне из-за угла выбежал розовощекий лысый мужчина в дорогом кремовом костюме-тройке и, молитвенно протягивая руки, обратился к небритому:

– Александр Васильевич, вы не могли бы поправить все сегодня?

– Нет, – хмуро бросил небритый и захлопнул багажник.

Проходя мимо странной парочки, я услышала, как лысый в костюме ныл, что, мол, завтра будет поздно и он готов заплатить сколько потребуется. На что небритый ответил:

– у меня нет фреона!

– Ну найдите этот фреон, – вновь заныл лысый.

– Чей ресторан – тот пусть и ищет. Довели холодильные установки до такого состояния, а теперь хнычете, – бросил небритый.

– А вам вообще кто позволил ставить свой рыдван перед главным входом! Вы мешаете клиентам! – вспыхнул лысый.

Дальнейший разговор я уже не слышала, так как вошла в ресторан. Но смысл мне и так был понятен: в заведении были какие-то проблемы с холодильниками. Небритый – мастер по ремонту, а лысый – директор ресторана или лицо, приближенное к нему.

В вестибюле ресторана я увидела несколько крепких парней с металлоискателями. Ребятки проверяли посетителей на предмет оружия и взрывных устройств. Первая моя мысль была о револьвере в кобуре, который я спрятала на бедре под платьем. Вдруг его обнаружат? Это может стать проблемой.

Меня обогнала пара молодых людей. Парни с металлоискателями проверили лишь кавалера, а девушка преодолела охрану беспрепятственно. Я смело двинулась вперед с ободрительной улыбкой на устах, и все прошло как по маслу.

Пройдя в зал, я поискала глазами высокого блондина атлетического телосложения, жаждущего встречи со мной. Однако меня ждало жестокое разочарование. Из-за столика, приветливо улыбаясь, навстречу мне поднялся низенький полный парень лет тридцати. Наверное, он считал себя высоким.

Я подошла, и молодой человек галантно отодвинул для меня стул. Подскочивший официант подал мне меню.

– Можете звать меня просто Владик, – предложил Авдеев, потягивая сухое вино из бокала.

– Благодарю вас, но я предпочитаю обращаться к нанимателями по имени-отчеству, – ответила я холодным тоном, на что Авдеев пожал плечами, дескать, как знаете.

– Могу порекомендовать королевский салат из кальмаров, коктейль из морского гребешка с рисом в шафрановом соусе – очень экзотическое блюдо, – с жаром заговорил официант, наклонившись ко мне. – Еще из холодных закусок могу порекомендовать «Богатый улов» – сыр, рыба, свежий огурец, немного лимонного сока – очень пикантный вкус. На горячее лучше всего свиная вырезка в клюквенном соусе или мясо по-шотландски, а на десерт «Русская березка» или парфе из шоколада.

– Так, – прервала я официанта, – мне салат «Свежесть», но без майонеза, горячего не надо, а на десерт мороженое с черникой.

– Мороженого нет, но есть молочный коктейль, – нахмурился официант.

– Тогда давайте «Русскую березку».

– А что будете пить? – спросил погрузневший официант.

– Ананасовый сок, – огорчила я его еще больше.

– Вы, наверно, на диете, – подмигнул мне Авдеев. – Хотя, вам с вашей фигурой...

– Я не на диете, – отрезала я, – просто я заказала то, что не портится на жаре.

– Знаете, я думаю, у них есть холодильники, – снисходительно улыбнулся Авдеев, – на дворе двадцать первый век как-никак.

– А у меня предчувствие, что холодильники в ресторане неисправны, – сказала я, напустив на себя загадочный вид.

– Вы что, ясновидящая? – спросил Авдеев, разглядывая меня своими по-детски распахнутыми глазами.

– В моей работе это не лишнее, – заметила я, незаметно бросая взгляды по сторонам. На другой стороне зала пировала компания ребят явно бандитского вида. Остальные посетители выглядели прилично.

Официант принес заказ – мой салат и сок и креветки с огурчиками и зеленью для Авдеева.

– Зря вы отказались, – улыбнулся Авдеев, поглощая креветки, – необычный вкус, я таких раньше не пробовал.

– Я вас предупреждала, – указала я на его вилку с нанизанным на нее ломтиком помидора.

– У меня крепкий желудок, – заверил меня Авдеев и потянулся за бокалом вина. – Знаете, носишься целый день туда-сюда, поесть даже по-человечески некогда... Можно вам предложить бокал вина или, может, водочки за знакомство?

– Нет, спасибо, я за рулем, – ответила я сухо.

Пустая болтовня Авдеева начинала меня утомлять. Мне не терпелось перейти непосредственно к делу.

– Вы такая печальная, у меня прямо сердце разрывается, – весело подмигнул Авдеев, – как заставить вас улыбнуться?

– Расскажите о своем деле, и я буду смеяться до колик в животе, – съязвила я, отодвигая салат.

– Хм, наверное, ваша работа, наложила на вас свой отпечаток, поэтому вы такая серьезная, – с умным видом изрек Авдеев, изучая на свет вино в бокале, – хорошо, – поспешно

добавил он, – если вы настаиваете, перейдем к делу. У меня есть друг Антон. Мы вместе учились в школе, потом пошли каждый своей дорогой – я в туристический бизнес, он занялся металлом, но мы продолжали иногда видеться – ну там ресторан, сауна, шашлыки на природе. И вот последний раз сидим в ресторане, а он мне говорит, что недавно на его отца, похоже, было совершено покушение.

– Что значит «похоже, было»? – спросила я.

– Ну, как-то неясно все до конца, – замялся Авдеев. – Антон говорит, что отец сидел дома с соседом, потом они решили выйти на улицу. Отец Антона задержался на минуту, а когда вышел, сосед лежал в подъезде с проломленной головой и с вывернутыми карманами. Если бы они вышли вместе, то наверняка убили бы обоих.

– Банальное ограбление. – высказалась я. – Почему возникла версия, что это покушались именно на жизнь отца Антона?

– Дмитрий Иванович заметил, что за ним с некоторых пор следят бандиты. Отец Антона раньше работал в КГБ, поэтому обнаружить слежку для него не составляет труда. Так, по крайней мере, говорит Антон, – пояснил Авдеев, искоса наблюдая а официанткой, суется за соседним столиком.

– Интересно, чем же занимается отец Антона, что за ним устроили слежку бандиты? – спросила я.

Мой собеседник нехотя перевел взгляд с ног официантки

на меня и ответил:

– Дмитрий Иванович антиквар, собирает всякую старину. Антон говорит, что у старика раритетов в квартире на несколько миллионов долларов.

– Ясно, – пробормотала я.

– Евгения Максимовна, может, перейдем на «ты»? – мягко предложил Авдеев, строя мне глазки.

– Нет, не стоит, – охладила я его пыл, – я с клиентами на «ты» не перехожу.

– Минуточку, – воскликнул Авдеев радостно, – фактически вашим нанимателем будет отец Антона или сам Антон. Я лишь поспособствую вашему воссоединению, и, таким образом, нам ничто не мешает насладиться прекрасным вечером.

– А ваша жена тоже не будет против? – небрежно спросила я.

Авдеев удивленно заморгал, но затем, справившись с замешательством, натянуто хохотнул:

– Какая жена? Я свободен, как ветер.

– А вот это ваше движение. – Я показала, как Авдеев по привычке во время разговора крутил большим пальцем левой руки несуществующее обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки. – Не хватает привычного украшения на пальчике? Верно?

– А если я развелся, – с наглым видом, не желая признавать поражение, заявил Авдеев.

– Разведенные мужчины не выглядят так, как вы, – сказала я с расстановкой и добавила: – И не носят фотографию жены и детишек в бумажнике.

Краем глаза я видела, как дернулась рука Авдеева в стремлении проверить целостность бумажника, однако директор турагенства вновь успокоился и нацепил на лицо нагловатую улыбочку.

– Откуда вы знаете, что у меня в бумажнике? – проговорил он, откинувшись на стуле.

– Женская интуиция, – сказала я, глядя ему прямо глаза. – Если вам нечего скрывать – продемонстрируйте мне содержимое своего бумажника.

– А не слишком ли это будет? – прищурился Авдеев.

– Предлагаю забыть последнюю часть нашего разговора, – примирительно сказала я. – Сосредоточимся на деле, а не на посторонних предметах.

– Сосредоточимся, – охотно кивнул головой Авдеев.

– Скажите, Владислав, кроме подозрений отца Антона, было ли что-нибудь, что указывало бы на то, что жизни старика угрожала опасность? – спросила я незадачливого плейбоя. – Я берусь только за серьезное дело.

Помолчав и как бы нехотя Авдеев заговорил:

– Когда я с ними разговаривал по поводу случившегося, у меня сложилось впечатление, что отец Антона что-то скрывает, недоговаривает. Возможно, он даже знает, кто на него покушался, и хочет разобраться сам, считает себя крутым –

в семьдесят-то лет. И Антон весь в него – «Мы сами разберемся». – Он грустно улыбнулся и добавил: – Моя интуиция подсказывает мне, что они доиграются в суперменов.

– Великолепно, – подвела я итог, – то есть вы хотите, чтобы я работала на людей, которые ни за что не хотят слышать о помощи посторонних и меня, вероятно, даже на порог не пустят.

– Это я беру на себя, – самоуверенно заявил Авдеев, – я умею убеждать.

К нашему столику не спеша, вразвалочку направился слоноподобный громила.

«Ну, начинается», – подумала я с досадой.

– Что, красавица, потанцуем, – обратился громила ко мне хриплым басом.

– Девушка не танцует, – напыжился Авдеев, стремясь произвести на меня впечатление своей беспримерной храбростью.

– Я не с тобой, чмо, разговариваю, – процедил сквозь зубы бугай, стискивая своими жирными пальцами-сардельками мое плечо.

Авдеев опасливо скосил глаза на охранников у входа в зал. Те даже не смотрели в нашу сторону.

– Отпусти ее, или пожалеешь, – угрожающе произнес Авдеев, багровея. В его голосе стали заметны признаки паники.

– Я потанцую с ним! – сказала я Авдееву. – Мне не так много осталось жить, не отказывай мне в последней радо-

сти, – проговорила я тихо, а потом, приветливо улыбнувшись жирному отморозку, пропела нежным голосом: – Пойдемте танцевать, прекрасный юноша.

Юноша замер, нависнув надо мной мрачным утесом. Его хватка заметно ослабла. Сбитый с толку Авдеев, глядя на нас, силился понять, что же происходит.

– Я че-то не понял, красавица. Ты че, копыта собираешься откинуть? – медленно произнес бандит.

– Я путешествовала по Африке и от обезьянки заразилась спидоносной проказой, – сказала я, печально потупив взор. – Но не волнуйся, после танца протрешь руки концентрированной хлоркой и не заразишься, наверно. – Для достоверности я пустила слезу, вспомнив, как на первом курсе Ворошиловки на тренировках по сверхизнурению я показала второй результат, а первой стала эта стерва Катька.

Бандит отдернул от меня руку и с ужасом несколько секунд созерцал свою пятерню, потом посмотрел на меня, как на демона смерти, не в силах вымолвить ни слова.

– Не волнуйтесь, СПИД же не передается через прикосновения, а это практически то же самое, что и СПИД, только еще внутренние органы разлагаются, – попыталась я его успокоить.

Проходивший мимо официант, услышав наш тихий разговор, выронил из рук поднос с тарелками прямо на пол.

– Да ты что ж, сука, – задушенно проговорил громила, потрясая «зараженной» рукой, и бросился вон из зала. Я села

на место с чувством глубокого удовлетворения.

– Про спидоносную проказу вы, конечно, пошутили? – с неуверенной улыбкой спросил Авдеев. – Такой болезни не существует.

– Нет, – спокойно ответила я, – я не шутила. Это был тактический ход, чтобы избежать драки. Видите тех приятных молодых людей с короткими стрижками за столиками рядом с пальмой, – кивнула я в сторону шумной компании, – наш крупногабаритный друг один из них. Глядя на их лица, можно предположить, что дело могло закончиться стрельбой, вот и пришлось соврать.

– А вас не волнует репутация спидоносицы? Тарасов-то городок небольшой, – спросил Авдеев, с неприязнью разглядывая недоеденные креветки.

Я была настроена оптимистично, поэтому ответила:

– О репутации не волнуйтесь. Бандюган будет молчать, что дотронулся до больной СПИДом, а официант не раскроет рта, чтобы не лишиться работы. Как думаете, много ли будет в ресторане посетителей, если пройдет слух, что его посещают ВИЧ-инфицированные? Для глубинки СПИД и чума – одна сатана.

Авдеев, подумав, согласно кивнул.

– Полагаю, вы правы на этот счет. – Посмотрев на меня, он криво улыбнулся. – Знаете, когда вы встали, я подумал, что сейчас начнется демонстрация приемов карате. Пара ударов – и громила валяется на полу с разбитой рожей. Что-то типа

того...

Наблюдая за приближающимся к нашему столику лысым типом в кремовом костюме, которого сопровождал испуганный официант, я сказала: – У моего папаши-генерала был друг, он занимался подготовкой инструкторов всех силовых ведомств. Так вот, про телохранителей он как-то сказал, что в первую очередь телохранитель должен уметь предотвратить опасность, причем незаметно для окружающих. Когда дело доходит до стрельбы и рукоприкладства – это позорная двойка телохранителю.

– Черт, у меня из-за этого борова весь аппетит пропал, – пожаловался Авдеев, украдкой поглядывая на возвратившегося в зал бандита.

– Я попрошу вас покинуть наш ресторан, – раздался рядом с нами тихий, но непреклонный голос.

Я спокойно посмотрела на лысого в кремовом пиджаке и отвернулась. Авдеев же восторженно от его слов, словно ужаленный.

– С какой это стати? – Голос Авдеева был полон негодования. – Я уже тридцать пять минут жду свой заказ, и после этого меня еще гонят взашей!

– Если вы не уберетесь по-хорошему, я позову охрану, – предупредил нас лысый. Официант испуганно пялился то на нас, то на своего шефа, ожидая развязки неприятной ситуации.

– А что сделает с нами ваша охрана? – невинно поинте-

ресовалась я. – Ко мне, например, применять рукоприкладство категорически не советую. При моей болезни легко открывается кровотечение. У вас тут все будет в моей крови, и завтра можете менять вывеску своей забегаловки на «загубленную дыру», потому что к вам все равно больше никто нос не покажет.

Скрипя зубами и пританцовывая на месте от бессильной злобы, лысый позволил нам закончить трапезу. Официант, обслуживающий соседний столик, старался не дышать, делал все быстро, а потом неся прочь галопом. Кое-как доев горячее, Авдеев отказался от десерта, посмотрел на часы и предложил немедленно поехать к Антону.

– Владислав, не поздно ли? Уже почти десять, – спросила я.

– Нормально, он меня ждет. Я обещал перед отъездом захватить к нему попрощаться, – отмахнулся Авдеев. Познакомлю вас с ним, поставлю, так сказать, перед фактом.

Авдеев расплатился по счету, и на моем «Фольксвагене» мы поехали к Антону. По дороге Антон попросил притормозить у супермаркета. Вернулся он с пакетом, из которого торчала бутылка коньяка и палка копченой колбасы. Внутри была еще какая-то закуска и две бутылки минеральной воды. Одну из бутылок «Нарзана» он протянул мне, а вторую взял себе. С надеждой посмотрев на меня, спросил:

– Есть открывалка?

– Нет, – ответила я и, бросив свою бутылку на заднее си-

денье, завела двигатель.

Вздохнув, Авдеев достал из внутреннего кармана пиджака обручальное кольцо, водрузил на палец, а затем лихо открыл им бутылку.

– Эти кровати как-то не пошли, – виновато улыбнулся Авдеев? сделав глоток, поморщился. – Здесь направо.

Я послушно свернула с проспекта. Мы очутились на узкой улице с односторонним движением, забитой машинами, оставленными своими хозяевами на ночь. Лицо Авдеева между тем покрылось бисеринками пота. Он торопливо опустил боковое стекло, сославшись, что ему нечем дышать, сделал еще один глоток из бутылки и, снова поморщившись, буркнул:

– Наверное, все чертова жара.

Я свернула, повела машину вдоль городского парка.

– Останови! – резко вскрикнул Авдеев, побелев, словно мел, и, лишь только «Фольксваген» остановился, мой новый знакомый молнией кинулся в заросли карагача.

Проверив аптечку в багажнике, я нашла то, что искала, – таблетки активированного угля. Кому-то это сейчас очень пригодится.

Вернувшийся Авдеев сильно смахивал на зомби: вытаращенные глаза, черные круги под ними. Извинившись, он прополоскал рот остатками минералки, со злостью швырнул пустую бутылку в кусты и сел в машину.

– Не понимаю, что со мной? – произнес Авдеев с недо-

умением.

– Испорченные морепродукты. В частности, креветки, – сказала я будничным голосом, – обычное пищевое отравление, – и протянула упаковку таблеток? – это активированный уголь. Выпейте сразу штук десять. Минералка на заднем сиденье.

– Да я уже в норме, – начал Авдеев отбрыкиваться, но фокус не удался. Я почти силой накормила его углем, и мы, наконец, добрались до места.

– Может, отложим переговоры до завтра? – предложила я Авдееву, который, немного пошатываясь, пошел к подъезду элитного дома, расположенного в самом центре города, с видом на набережную.

– Какой завтра, – проворчал Авдеев, – завтра я буду за тысячу километров отсюда.

Я поставила машину на сигнализацию и поспешила за ним.

– Антоха, отвори ворота! – заорал Авдеев в домофон так, что залаял бультерьер, запертый на балконе второго этажа.

– А что это за хрен с горы ломится ко мне посреди ночи, – приветливо прорычал мужской голос из домофона, – вот щас выйду и рога обломаю.

Авдеев? нисколько не смутившись приемом, вытащил из пакета бутылку коньяка и демонстративно помахал ею перед видеокамерой.

– Ну ладно, заходи, – смягчился говоривший.

Дверь тихо открылась. Я поднялась по ступенькам и вошла в подъезд вслед за Авдеевым.

– Вы всегда так мило общаетесь со своим другом? – спросила я у него.

– Да это мы так шутим. Не обращайтесь внимания, – сказал Авдеев, поднимаясь по ступенькам на площадку первого этажа.

Антон оказался высоким, кареглазым, с наметившимся брюшком парнем одного возраста с Авдеевым. Светлые, коротко стриженные волосы, простое, с крупными чертами лицо, я бы даже сказала «совковое». Он встретил нас в одних боксерских трусах. На шее болталась толстая золотая цепь с массивным крестом.

Бандит или близок к этому, решила я с первого взгляда.

– Вадик, да ты... нехороший человек, не мог сказать, что придешь не один, – возмутился Антон, пожирая меня глазами.

– Евгения Максимовна, это мой старинный друг Антон, прошу любить и жаловать, – представил мне своего друга Авдеев и, тронув меня за плечо, напыщенно произнес: – А это, Антоха, легендарная Евгения Максимовна Охотникова, телохранитель экстра-класса, про которую я тебе столько рассказывал.

– Да не может быть, – нахмурившись, пробормотал Антон, разглядывая меня еще пристальнее, чем в первый раз. – Я-то думал, там какая-нибудь культуристка, стриженная под

машинку, с лицом, как у мужика, а вы просто...

Он не мог подобрать слов, поэтому я закончила за него:

– Сногсшибательная, неземная, лунолика...

– Владеет всеми видами оружия, черный пояс по карате.

– Не черный пояс, а пятый дан, – поправила я Авдеева.

– Хватит трепаться, пошли в хату, – скомандовал Антон и потащил нас в квартиру. – Ты че, Владик, сегодня уже квазил, что ли, без меня? Какое-то у тебя лицо начитанное, – поинтересовался Антон у Авдеева в коридоре. Авдеев поклялся, что вел трезвый образ жизни весь световой день. – Проходите в зал, – сказал Антон, сам же смотался на кухню за стаканами и столовыми приборами для закуски.

– Вы не замужем? – вдруг ни с того ни с сего спросил Авдеев, плюхнувшись на диван.

– Не ваше дело. Что это за вопросы такие еще? – грозно спросила я.

– Значит, не замужем. Хорошо! – развязно произнес Авдеев.

Я уже хотела высказаться по этому поводу, но в комнату вернулся Антон с маленьким столиком на колесиках. Мигом накрыли нехитрый стол. Авдеев откупорил бутылку коньяка, и мы выпили за знакомство – они коньяк, а я минеральной воды.

– Знаете, Евгения Максимовна, – обратился ко мне Антон подчеркнуто вежливо, – я уже говорил вот этому придурку, – он показал рукой на Авдеева, – что нам услуги телохраните-

ля не требуются, но он упрямый как черт и продолжает гнуть свое.

– Может, ваш друг и прав, ведь произошло убийство, – заметила я осторожно.

– Я могу сам за себя постоять и отца сумею защитить, – с гордостью сказал Антон, разливая по второй.

– Мне чуть-чуть, а то с желудком жуть что творится, – жалобно попросил Авдеев, вырвав свой стакан. Повернувшись ко мне, он заговорщицки зашептал: – Не слушай этого засранца. Завтра он позовет и попросит вас заключить с ним контракт. Обещаю, – и подмигнул Антону.

– Ну ты меня достал, – вздохнул Антон, сверля друга тяжелым взглядом.

– Можете сейчас ехать домой, – демонстративно продолжал шептать мне Авдеев, – а завтра готовьтесь приступить к своим обязанностям.

Я пожала плечами – хорошо. Позвоните завтра – отлично, а не позвоните – не беда, у меня клиенты в очередь выстраиваются.

Нагло взяв на себя роль хозяина, Авдеев проводил меня до двери, а сам вернулся продолжать вакханалию. На то, что завтра мне позвонит Антон, я надеялась слабо, но зато не сомневалась, что по приезде домой меня ожидает жестокий допрос. Тетя не успокоится, пока не выведает все о моем кавалере. В голове мелькнула трусливая мысль не ночевать сегодня дома, однако я отбросила ее и решила сказать тете,

что кавалер скончался прямо в ресторане, объевшись креветками. Вероятно, это избавит меня от дальнейших мучений. «Фольксваген» завелся с пол-оборота, и я покатила по ночным улицам города домой.

Удивительно, но Антон правда позвонил на следующий день, ближе к вечеру, и предложил встретиться со мной на квартире его отца незамедлительно. Адрес он продиктовал. Я сказала, что уже еду, и вылетела из квартиры.

– Ты даже не поела, – крикнула мне вдогонку тетя Мила.

Но мне было не до еды. Наклевывалась интересная и денежная работа. Нужно было ковать железо, пока горячо.

Отец Антона жил в старом четырехэтажном здании до-революционной постройки. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я поняла, что дом не так плох, как кажется на первый взгляд. Добротная кладка, стены и потолки без трещин и плесени, лестница из гранитных плит с широкими ступенями. Наверное, раньше дом принадлежал какому-нибудь графу или богатому промышленнику. У стальной двери я замерла в нерешительности. Звонка не было, однако меня внимательно изучала камера наружного наблюдения, прикрепленная над дверью.

– Евгения Максимовна Охотникова, мне назначено, – на всякий случай сказала я в камеру. Никакого результата. Приглядевшись, я все же нашла кнопку звонка, замаскированную на двери, и позвонила.

«Может, меня не ждут», – подумала я, когда прошла еще одна минута томительного ожидания. В голову полезли вся-

кие мысли: я не расслышала адрес, перепутала время встречи. А может, звонок не работает? Я еще раз нажала на кнопку и, не отпуская, постаралась уловить трель звонка, однако стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь шумом листьев за выбитым оконным стеклом подъезда. Одно из двух – либо квартира снабжена потрясающей звукоизоляцией, либо звонок действительно испорчен. И тут дверь неожиданно распахнулась, едва не задев меня. За ней оказалась высокая дородная женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и сердитым лицом. Я резко отдернула руку от кнопки.

– И чего поднимать такой шум? В квартире глухих нет, – сурово сказала женщина, сдвинув брови. Ее беспокойные карие глаза бесцеремонно изучали меня.

– Если не глухие, что не открывали? – спокойно спросила я.

Женщина приготовилась ответить, однако ее опередил голос из глубины квартиры.

– У нас тут строгие меры безопасности, практически военное положение. – За спиной женщины показался Антон. На его губах играла грустная улыбка. – Валерия Евгеньевна, это ко мне, я же предупреждал, – обратился он к женщине. Лицо той приобрело виноватое выражение. Она взглянула на меня так, словно искала союзника, повернулась к Антону и виновато сказала: – Дмитрий Иванович мне строго-настрого приказал не пускать в квартиру никого постороннего и даже не открывать дверь.

– Проходите, Евгения Максимовна. Я познакомлю вас со своим отцом, – радушно предложил Антон, оттесняя женщину в глубь коридора. Закрывая дверь, Антон пояснил, что Валерия Евгеньевна домработница его отца.

Я разулась, женщина подала мне какие-то стоптанные шлепанцы. Я хотела отказаться, заявив, то не стоит беспокоиться, но домоправительница огорошила меня заявлением:

–Надевайте, надевайте, без тапок нельзя. Дмитрий Иванович не любит, когда по его коврам ходят босыми ногами. Они от этого быстрее пачкаются.

– Не знаю, какие к вам обычно гости приходят, только лично я мою ноги каждый день.

Антон негромко хмыкнул, а Валерия Евгеньевна от моего замечания недовольно поджала губы. Мое же внимание сосредоточилось на одной странности. В прихожей на стене были прикреплены четыре вешалки для одежды, еще две стояли прислоненные к стене, между тем как сама одежда, которой надлежало висеть на крючках, кучей валялась на тумбочке. Проследив за моим взглядом, Антон пояснил: – Это антикварные, отец над ними трясется. Вот та, светлая, отделана слоновой костью и серебром, а черная, где крючки в виде голов носорога, – бронзовая, конца восемнадцатого века. Отец повесил вешалки на стену, чтобы клиент мог видеть, как они будут выглядеть в его квартире.

– Вы тоже во всем этом разбираетесь? – поинтересовалась я, разглядывая диковинные предметы. Самой мне боль-

ше понравилась вешалка из красного дерева. Ее украшали вырезанные из дерева бутоны роз и листочки.

– Честно сказать, я в этом антиквариате полный профан, – признался Антон, увлекая меня прочь от вешалки. – Просто отец постоянно твердит «не вешай одежду, она конца восемнадцатого» и «не дотрагивайся, это слоновая кость» – вот и запомнил.

Валерия Евгеньевна свернула к кухне, а мы вошли в большую гостиную, чудовищно захламленную разными вещами. В комнате оставалось небольшое свободное пространство, где посередине стоял дубовый стол на массивных ножках и два кресла. Я загляделась на великолепную хрустальную люстру под потолком, напоминающую гигантский алмаз со множеством мельчайших граней.

– Здравствуйте, здравствуйте. Так это и есть наша героическая телохранительница, – раздался за спиной чуть дребезжащий голос. – Не слишком ли вы юны для такой работы, барышня?

Я вздрогнула. Повернувшись, я увидела в одном из кресел хозяина квартиры.

– Нет, в самый раз. В КГБ отправляли на смерть девушек и помоложе, – сдержав эмоции, ответила я спокойно.

Говоря это, я изучала старика. Крепко сбитый, седые волосы зачесаны назад, как у Сталина, круглое, лоснящееся лицо практически без морщин. Не верилось, что Дмитрию Ивановичу за семьдесят, самое большее – шестьдесят.

– Стало быть, вы работали в комитете? – задумчиво спро-

сил отец Антона. – И сколько времени?

Не успела я ответить, как на меня обрушалась целая лавина вопросов: где жила? С какое по какое время? Где училась? Когда закончила? Какого характера задания выполняла в комитете? Когда уволилась со службы? Кто родители? Семейное положение и все в том же роде.

Старик хорошо знал свое дело. Вопросы чередовались так, что слабо подготовленный человек, если он говорил неправду, сам бы выдал себя с головой и ничего не заметил. Ворошиловку Дмитрий Иванович презрительно окрестил Институтом благородных девиц. Спорить с ним я не стала, потому что понимала всю бесполезность подобного занятия. Такие люди, как Дмитрий Иванович, считают, что прожили достаточно долго и теперь имеют право навязывать всем своим мнение, и не терпят, когда им перечат. Я расслабленно сидела в кресле, чуть подавшись вперед, руки на подлокотниках, и делала вид, что с жадностью внимаю словам старика.

– Демократы хреновы, развалили страну. А раньше, при Союзе, КГБ весь мир вот где держал, – решивший сделать краткий экскурс в историю, Дмитрий Иванович показал мне сжатый кулак. – Мы американцев били на всех направлениях. Эти сволочи даже своей тени боялись. А что теперь? А? Я вас спрашиваю? – Задав вопрос, Дмитрий Иванович свирепо посмотрел на Антона. Тот, развалившись на диване, судя по звукам, играл в какую-то игру на мобильном телефоне.

не. – Видите, Женя, во что превратилось нынешнее поколение. Уткнулся в телефон, и ничего больше не надо, – сказал Дмитрий Иванович с горечью, а поскольку Антон никак не отреагировал на его слова, разъяренно закричал: – Антон, мать твою так, подними свою задницу и посмотри, на чем ты сидишь!

Антон, оглянувшись, вскочил и посмотрел на диван под собой.

– Я думал, это покрывало, – виновато пробормотал он.

– Покрывало, покрывало! – завопил Дмитрий Иванович, подскочив к Антону. – Гобелен конца семнадцатого века. Покажи мне человека в здравом рассудке, который будет протирать своим задом вещь стоимостью в несколько тысяч долларов. Это ж из Зимнего дворца!

Со смертельной обидой на лице Дмитрий Иванович выхватил с дивана отрез материи, сложенный в несколько раз, и бережно переложил его на стол, где и без того все было завалено различными вещами. Здесь были и какие-то старинные иконы, и шкатулки, и статуэтки, стопки пожелтевших писем и открыток, наверное, столь же ценных, как гобелен. Сначала я подумала, что если старика так волнуют эти вещи, то почему бы их не убрать, например, в шкаф, чтобы на них никто не сел. Однако, оглядевшись, поняла, что все шкафы и сундуки уже забиты под завязку, поэтому остальное, что не влезло, просто навалено кучами вокруг.

– Видите, вырастил на свою голову, – указал он на Антона,

вновь опускаясь в кресло.

– Бать, да ладно тебе! Не позорь перед людьми, – недовольно воскликнул Антон.

– А вот и чай! – радостно объявила Валерия Евгеньевна, входя в комнату с подносом, на котором стоял чайный сервиз из серебра. Она остановилась в нерешительности, не зная, куда его поставить.

– Антон, принеси с кухни табурет! – приказал раздраженный Дмитрий Иванович и, позабыв обо мне, уткнулся в диковинного вида вещицу из белого, местами почерневшего металла. Предмет напоминал изящный браслет, в который вкручивался винт, с одной стороны снабженный барашком, а с другой – трезубцем. Напротив трезубца в браслете имелся круглый шип, а еще сбоку зачем-то была приделана серповидная пластина.

«Наверное, средневековое орудие пыток», – решила я и поинтересовалась назначением прибора у Дмитрия Ивановича.

Глянув на меня поверх очков, старик ухмыльнулся:

– Что, сами догадаться не смогли?

Я покачала головой, и Дмитрий Иванович пояснил:

– Это приспособление для чистки яблок, очень популярное в начале девятнадцатого века в богатых домах. Если господа хотели отведать яблочко, они элегантно насаживали его на шип, сверху вонзали трезубец и вращали плод барашком, в то время как боковая пластина снимала кожуру. Тогда это

считалось большим техническим достижением. – Посмотрев на приспособление через очки, он тяжело вздохнул. – Эх, жаль, вся позолота слезла. Это здорово понизило его цену.

– Но позолоту легко можно восстановить, – предположила я.

Дмитрий Иванович посмотрел на меня снисходительно, как на полоумную, и мягко спросил:

– Позвольте, и кому она тогда будет вообще нужна?

Я промолчала, потому что не знала, что ответить. Спас положение Антон, вернувшийся с кухни. Он принес массивный деревянный табурет на трех ногах, и топтавшаяся с подносом Валерия Евгеньевна наконец смогла опустить на него поднос. Пока домработница разливала чай, Антон сбегал и принес вафельный торт.

– Забыл совсем, бросил у порога, – виновато улыбаясь, произнес Антон и перед тем, как сесть на диван, на всякий случай посмотрел, нет ли там чего.

– Вечно покупаешь всякую дрянь, – проворчал Дмитрий Иванович, пододвигая кресло к импровизированному чайному столику.

Валерия Евгеньевна налила старику чай в стакан с подстаканником, как в поездах, с одной лишь разницей, что подстаканник выглядел очень солидно – с печатью в виде двуглавого орла и датой ниже – тысяча девятьсот первый год.

– Валерия Евгеньевна, отрежьте-ка мне этого безобра-

зия, – попросил Дмитрий Иванович, рассматривая торт.

Антон с мрачным лицом сам взял себе чашку, а мне, хоть я и не просила об этом, чашку подала домоправительница.

– Большое спасибо, – выдавила я, и Валерия Евгеньевна, удовлетворившись, села на диван рядом с Антоном. Тот, перед тем как пить чай, осторожно поднес чашку к носу, понюхал напиток и лишь потом сделал глоток.

– Если не секрет, Дмитрий Иванович, чем вы занимались в КГБ? – спросила я, а сама тоже незаметно понюхала чай. Никаких подозрительных запахов я не почувствовала. Чай был мутный, почти без вкуса. Я сделал один маленький глоток и больше к напитку не притронулась.

– Если вам интересно, то скажу, что занимался предметами искусства и драгоценностями, – ответил Дмитрий Иванович, прожевав кусочек торта и запив его чаем. – Вас еще что-нибудь интересует?

– Нет, – ответила я, – просто подумала, что вы, наверно, хорошо разбираетесь во всех этих вещах. – Я жестом показала на окружающую обстановку.

– Еще бы. Коллекционировать антиквариат – это тяжелый труд.

– Батя всю жизнь занимается стариной, – влез в разговор Антон, – знаете что...

– Обожди, – осадил его отец и, поглядев на меня с хитрым прищуром, сказал: – Давайте лучше поговорим о цели вашего визита. Если вы собираетесь работать на меня, то должны

четко уяснить: мои приказы выполняются быстро и без всяких возражений. Если что-то порисходит не так, я начинаю сердиться, а когда я сержусь, всем лучше быть подальше от этого места.

– Уже уяснила, – покорно заявила я, – но согласитесь, в работе телохранителя могут быть свои нюансы. В некоторых ситуациях вы могли бы прислушаться и к моему мнению.

– Ну, не знаю, – скривив губы, протянул Дмитрий Иванович недовольно, – вряд ли вы в свои годы можете знать больше меня.

Я промолчала, а старик, подумав, сказал:

– Ладно, насчет вас я приму решение завтра. Мое ремесло опасно, и телохранитель мне не помешает, особенно в свете последних событий. Ждите моего звонка. Независимо от решения, я вам позвоню.

Я поняла, что встреча закончена, и засобиравлась домой. Антон выразил желание проводить меня. Вместе мы вышли из подъезда и остановились у моей машины.

– Знаете, вы ему понравились, – просветил меня Антон, – другого на вашем месте он просто бы вышиб пинком под зад.

– Очень польщена, – с иронией сказала я, – жаль только насчет моей работы ваш папа высказался несколько туманно.

– Ерунда, – махнул рукой Антон, – считайте, что вы уже приняты. За слова я отвечаю. Только не знаю, долго ли вы выдержите. Мой отец такая... – он запнулся, – в общем, не подарок.

– Я успела заметить, – сказала я. – За «вредность» клиента к моей обычной плате необходима добавка. Как вы на это смотрите? Скажем, еще процентов двадцать.

Антон задумался. Я выжидала, надеясь, что он откажется, потому что у меня в связи с предстоящей работой было нехорошее предчувствие. Мне не понравился ни дом, ни хозяин, но просто так отказаться от работы я не могла.

– Попробую утрясти этот вопрос, – после некоторого молчания сказал Антон.

Что ж, у меня не было выбора. Мы попрощались, и я поехала домой.

Звонок Дмитрия Ивановича застал меня без пятнадцати семь в душе. Мелодия «Смертельной битвы» вырвала меня из мира грез. Открыв глаза, я отключила воду и взяла со столика мобильник.

– Я надеюсь, вы не спали? – спросил Дмитрий Иванович голосом, в котором слышалась издевка.

– Нет, я в это время никогда не сплю, – огорчила я старика.

– А у меня вообще бессонница, почти не сплю, – признался Дмитрий Иванович со вздохом. – В общем, я еще раз посоветовался с сыном, вы приняты на работу. Приходите сегодня к восьми ко мне на квартиру и приступайте к своим обязанностям. Будете жить у меня. Я выделю вам отдельную комнату. Мне не с руки вызывать вас по телефону и ждать, пока вы приедете, если вдруг я захочу выйти куда-нибудь. Надо, чтобы вы всегда были рядом. Внутри квартиры ваши услуги мне не потребуются, так что, пока вам нечего будет делать, займетесь домашней работой: мытьем посуды, уборкой, стиркой.

– Что вы сказали? У меня, наверно, что-то со слухом? – удивленно произнесла я. Внутри медленно поднималась волна ярости.

– А что вы хотите? Деньги-то вам будут капать каждый

час, – нагло продолжал Дмитрий Иванович.

– Я телохранитель, а не домработница. До свидания! – сказала я в трубку и отключила связь.

«Какой наглец!» – подумала я и вновь включила воду. Не прошло и пяти минут, как мобильный опять заиграл мелодию, установленную на незнакомый номер. Я схватила трубку с намерением высказать мерзкому старикашке все, что я о нем думаю, но это оказался Антон.

– Евгения Максимовна, извините отца. Он мне только что позвонил и передал ваш с ним разговор. Понимаете, старый человек уже не соображает, что говорит.

– Короче! – прервала я Антона.

– Приступайте к своим обязанностям и не слушайте всякой ерунды, что он будет вам говорить. Платить деньги буду я сам, как договорились.

– Договаривались вчера, сегодня цена другая, – с металлом в голосе сказала я.

Возникла продолжительная пауза. Придя в себя, Антон произнес:

– А вы круто обращаетесь с людьми. Я это уважаю. Короче, я согласен.

«Черт, наверно, его действительно припекло, если он так цепляется за меня, – подумала я, а вслух сказала:

– Хорошо. Я приступаю. Созвонимся в конце недели.

Без пяти восемь я нажимала кнопку звонка на двери квартиры Дмитрия Ивановича. Дверь открыл он сам.

– Пришли? – дружелюбно спросил старик, отступая, чтобы впустить меня внутрь.

– Здравствуйте, – хмуро поприветствовала я Дмитрия Ивановича, проходя мимо него.

– Здравсьте, здравсьте, – пробормотал он, закрывая дверь. Послышалось звяканье задвигаемых тяжелых засовов. Я остановилась в нерешительности посреди гостиной, ожидая хозяина. – Вот сюда, – указал Дмитрий Иванович на ковер на стене.

– Мне стать к стене? – не поняла я.

– Нет, – с досадой проворчал старик и откинул угол, под которым открылась дверь.

– Тайная комната, – улыбнулась я.

– Нет, не валяйте дурака! Я подготавливаю ковер для продажи. Он лежал сложенный и теперь должен отвисеться. Через пару дней его не будет, а пока постарайтесь не шмыгать лишний раз туда-сюда.

Дмитрий Иванович распахнул дверь и приглашающе кивнул:

– Проходите, это ваша комната.

Комната была чуть меньше громадной гостиной, но захламлена точно так же.

– Спать будете на раскладушке, – пояснил Дмитрий Иванович, указывая на предмет, явно довоенного образца, года эдак тридцать девятого, украденный, видимо, из лагерных барачков. Я печально посмотрела на большое ложе, закрытое

пологом с отдергивающимися занавесками.

– Это кровать... – начал Дмитрий Иванович.

– Можете не продолжать, – оборвала я его, – я знаю, антиквариат, спать на ней никак нельзя. – В расстроенных чувствах я швырнула сумку вещами прямо на пол.

– В точку, – усмехнулся Дмитрий Иванович.

– Ладно, с этим разобрались, – подытожила я, – жила я в условиях и похуже. Сейчас самое главное, Дмитрий Иванович: от кого я должна вас защищать?

– Как от кого? – изумился старик. – От всех! Тут в квартире вещей на миллионы. Каждый отморозок в городе мечтает разбить мне голову. Даже мои родственники спят и видят меня в гробу. Барышня, право слово, вы задаете детские вопросы.

– Можно уточнить, – поинтересовалась я, – вы конкретно кого-нибудь подозреваете?

– Нет. Почему вы меня допрашиваете? Ваше дело охранять, а не задавать вопросы! – возмутился Дмитрий Иванович. – Для телохранителя вы слишком любознательны.

– Мой девиз, – сказала я спокойно, – «лучший способ защитить человека – это ликвидировать угрозу». Поэтому, если есть возможность, я одновременно с охраной занимаюсь расследованиями. Ведь чтобы ликвидировать угрозу, нужно знать, от кого она исходит.

– Ишь ты какая! – взъерепенился Дмитрий Иванович, услышав такие речи. – Чему вас там в Ворошиловке учили?

Не знаешь, что ли, основного правила телохранителей?

– У меня свои правила, – сказала я, взглянув старику прямо в глаза. – Если вас что-то не устраивает, скажите сейчас.

– Меня все устраивает, – порворчал Дмитрий Иванович. – Если б не Антон, я бы давно послал вас ко всем чертям. Но он мне плешь проел своим: «Папа, не рискуй». Надоело прекаться.

– Давайте не будем портить друг другу нервы, – предложила я миролюбиво. – Предлагаю каждому выполнять свою работу. Вы занимаетесь антиквариатом, я охраняю. Договорились?

– Хорошо, – согласился Дмитрий Иванович, смягчаясь. – Не хотите попить чаю? Валерия Евгеньевна ушла в магазин за продуктами, по-моему, в холодильнике еще что-то есть.

– Отличная идея, – улыбнулась я, подумав, что, по-видимому, старик наконец понял, что от меня легко не избавишься и рот не заткнешь.

Дмитрий Иванович проводил меня на кухню, где, к моему облегчению, почти не было развалов антиквариата.

– Позвольте похозяйничать? – спросила я, улыбнувшись.

– Давайте, если хотите, – согласился старик с немного ошалелым видом. – Там в заварнике еще со вчерашнего дня осталась заварка. Долейте кипятку.

– Справлюсь, – сказала я уверенно.

Голубыми язычками полыхнул газ, и я поставила на плиту чайник. Потом взяла со стола пузатый заварник, подняла

крышку и заглянула внутрь. Средних размеров плесневелый грибок вяло покачивался в мутной коричневатой жиже.

– Похоже, этой заварке по меньшей мере месяц, – предположила я.

– Не мелите чепухи! – раздраженно воскликнул Дмитрий Иванович. – Вчера пили, не жаловались.

– Нате, полюбуйте. – Я сунула чайник под нос старику, с содроганием вспоминая вчерашнее чаепитие. Один глоток-то я все-таки сделала. Вот дерьмо.

От усиленной работы мысли Дмитрия Ивановича аж покорежило. Мне даже показалось, что в его глазах блеснули слезы.

– Ладно, заварите новый, только много заварки не сыпьте, – выдавил он из себя с величайшим трудом. Однако когда я была готова сыпануть заварки в обваренный чайник, Дмитрий Иванович вскочил и вырвал пачку чая у меня из рук. – Лучше будет, если я сам, – торопливо объяснил старик.

Промолчав, я села за стол, наблюдая за действиями Дмитрия Ивановича. Одна неполная чайная ложка, затем другая, на третьей антиквар замер в тяжелом раздумье.

– Нам хватит, – чуть слышно пробормотал он и высыпал третью ложку обратно в пачку, взял вскипевший чайник и залил необходимое количество кипятка в заварник.

Сев рядом со мной, Дмитрий Иванович сказал, что не любит сильно крепкий чай.

– О своем сердце надо заботиться, – назидательно добавил

он.

– Вы, наверно, чай без сахара пьете? – спросила я, заранее зная ответ.

– От сахара только зубы портятся, – предостерег меня Дмитрий Иванович. – Мы с Валерией Евгеньевной пьем чай с солодским корнем. Знаете как вкусно!

– Могу себе представить, – фальшиво восхитилась я, когда старик потряс передо мной холщовым мешочком, покрытым желтыми пятнами и подтеками. Внутри были тонкие сморщенные корешки неприглядного вида.

Из обшарпанного холодильника Дмитрий Иванович извлек пластиковую коробочку с остатками селедки и пожелтевший засохший кусочек сыра. Из вскрытой коробочки с селедкой пахнуло таким ароматом, что я, отпрянув, с отвращением вскрикнула:

– Нет! Я не голодна! – и немного спокойнее: – Сыр я вообще терпеть не могу.

– Ну, как хотите, – обрадовался Дмитрий Иванович, хватаясь за вилку, – а я, знаете, не откажусь.

Чтобы не видеть, как старик поглащает селедку, я представила себя в красивом месте, рядом с водопадом, в гуще тропической зелени. Так я поступала в критические моменты.

– Вы слушаете меня? – спросил Дмитрий Иванович, тормоша меня за плечо.

– Что? – переспросила я, глядя на пустую коробку из-под

селедки.

В дверь настойчиво звонили. Пальцы Дмитрия Ивановича впились в мою руку.

– Это ваша домработница, – воскликнула я, отдирая от себя руку старика.

Валерия Евгеньевна вплыла в квартиру, сияя от счастья. Поставив набитые сумки пред холодильником, она в возбуждении заговорила:

– Представляете, я сегодня на рынке нашла колбасу копченую по сорок рублей кило! – Такая очередь была. Люди чуть не давились. Просто чудо – по сорок рублей!

Дмитрий Иванович одобрительно крякнул и заспешил по направлению к туалету.

– А вам не кажется, что это несколько подозрительно? – спросила я, начиная понемногу осознавать, куда я попала.

– Да все брали, значит, ничего страшного, – поразила меня железной логикой Валерия Евгеньевна.

– Кстати, ваша заварка была заплесневелой, пришлось вылить ее в унитаз, – поведала я ей по секрету.

– Как же так? – побледнела домработница. – Я же недавно заваривала.

– Наверно, здесь плесень растет быстрее, чем в других местах, – с серьезным видом предположила я. – Думаю, это из-за обилия старых вещей. Советую осматривать себя по утрам, а то не заметите, как сами заплесневееете.

Домработница внимательно посмотрела на меня, силясь

понять, шучу я или говорю правду. Вид у нее, надо сказать, был весьма испуганный. Через минуту вернулся Дмитрий Иванович.

– Желудок что-то пошаливает, – признался старик, как будто мне нужны были эти подробности.

– Скажите, пожалуйста, кто вхож в вашу квартиру? – спросила я, поригнорировав его жалобы. – Эта информация здорово облегчит мне задачу.

– Кто вхож, – пробубнил он, задумавшись. – Если кроме меня и Валерии Евгеньевны, то, конечно, же Антон, Васька – мой внук-лоботряс, сын Бориса – старшего брата Антона.

– Значит, у вас два сына? – уточнила я.

– Еще дочь от первого брака. Стерва, – ответил старик, кроша ножом засохший сыр.

– Дочь стерва? – эхом повторила я. – Она к вам заходит?

– Нет. Последний раз я с ней разговаривал одиннадцать лет назад, – хмуро сказал Дмитрий Иванович. – Вот Борис, брат Антона, изредка заходит. Особенно зачастил в последнее время. Мечтает переселить меня в дурдом.

– Понятно. Еще кто?

– Толя, сосед, раньше заходил, царство ему небесное. На его месте должен был быть я, – добавил Дмитрий Иванович, потемнев лицом. – А больше никто. Если только клиенты. Но сейчас я их стараюсь отправлять на склад.

– У вас есть склад? – удивилась я.

– Конечно, не хранить же все дома, – ответил Дмит-

рий Иванович. – В квартире у меня только самое ценное, а остальное в арендованном помещении. Здесь недалеко, один квартал.

– Скажите, может, кто-нибудь из последних клиентов остался недоволен, например, почувствовал себя обманутым? – аккуратно спросила я.

– Таких не было, – бросил Дмитрий Иванович. – Все мои клиенты остаются довольными, кидать их мне нет резона. В мире антикваров репутация – самое главное. Вы не там ищите.

– Ладно, ладно, – успокоила я старика. – Теперь главный вопрос: почему вы думаете, что на месте вашего соседа должны были быть вы? Откуда такая железная уверенность?

– Есть обстоятельство, на основании которого я могу утверждать, что убить хотели меня, – сузив глаза, сказал Дмитрий Иванович.

– Вы мне расскажете об этом обстоятельстве? – поинтересовалась я.

– Нет, – коротко, но непреклонно ответил старик.

– Вы что, мне не доверяете?

– Да.

– Просто отлично, – изумилась я. – И как, по-вашему, после этого я буду вас защищать?

– За деньги, – веско сказал Дмитрий Иванович, пронзая меня взглядом.

«Да, с этим окостенелым идиотом никак не договоришь»

ся», – подумала я со злостью, а вслух добавила:

– Дмитрий Иванович, мне надо из дома забрать кое-какие вещи, которые мне могут понадобиться при работе. Если не возражаете, я прямо сейчас съезжу.

– Езжайте, – равнодушно бросил старик, жуя засохший сыр.

Из дома я привезла ноутбук и некоторые другие необходимые для работы предметы, в частности, походный гримировальный набор, а также аппаратуру для прослушки, чтобы лишний раз не мотаться туда-сюда.

У Дмитрия Ивановича меня поджидал Антон. Он с порога сунул мне под нос официальный контракт на мои услуги.

– Я вообще-то не настаивала на этом, – пожала плечами я, просматривая документ.

– Если согласны, то подпишите. – Антон вставил мне в руку авторучку. – К сумме оплаты я прибавил проценты, идущие на уплату налогов.

Какой все-таки Антон, оказывается, обязательный и законопослушный член общества. Знает даже такое слово, как налог, а выглядит бандит-бандитом, усмехнулась я про себя, ставя число и подпись внизу контракта.

Вырвав у меня из рук один экземпляр документа и спрятав его в папку, Антон попрощался и умчался по своим делам.

– В вашей комнате, в углу, завернутые в бумагу, сложены очень ценные вазы. Будьте осторожнее, – напомнил мне

Дмитрий Иванович. – И дверь не запирайте изнутри. Мне не нравятся закрытые двери в моем собственном доме.

– Хорошо, – вздохнула я.

Оказавшись в своей комнате, я хотела лечь на раскладушку, но тут же полетела с нее на пол. Чертыхаясь, я поднялась с пола и с ненавистью посмотрела на сломанную раскладушку. Алюминиевые ножки в местах крепления к каркасу лопнули с одной стороны, отчего раскладушка стала напоминать накренившуюся в шторм палубу корабля.

Глубоко вздохнув несколько раз, я успокоилась и перестелила приготовленную мне постель на пол.

Из коридора донеслась трель соловья, затем истошный крик Дмитрия Ивановича.

– Женя, Женя! Немедленно сюда!

Выватив из кобуры револьвер, я, не задумываясь, бросилась на зов, полагая, что вот-вот случится беда. Дмитрий Иванович вместе с Валерией Евгеньевной стояли у небольшого экрана на стене у двери, подключенного к камере наружного наблюдения. Я заметила, что на моем подопечном лица нет. Взглянув на экран, увидела вполне безобидного парня, топтавшегося на лестничной площадке. На вид ему было лет двадцать. Круглое лицо, короткие светлые волосы, широкоплечий, одет в черную майку и синие джинсы. Правда, вид у парня был какой-то болезненный, лихорадочный румянец на щеках, темные круги под глазами.

– Вы его не знаете? – спросила я у Дмитрия Ивановича.

– Как же не знаю. Этой мой придурочный внучок Васька, – с отвращением сказал Дмитрий Иванович. Я убрала пистолет, не понимая, почему визит внука вызвал у старика столь бурную реакцию. – Я открою дверь, а вы смотрите в оба, – приказал с серьезным видом Дмитрий Иванович.

Внучок вылупил на наши напряженные лица, словно узрел второе пришествие Спасителя.

– Вы зачем это у двери собрались? – спросил парень.

– Васька, подонок, как ты смеешь показывать здесь свою наглую харю? – взревел Дмитрий Иванович, угрожающе двигаясь на внука.

Васька сжался, сделал жалобное лицо и со слезами в голосе попросил:

– Дед, можно мне войти поговорить с тобой. Если ты не поможешь, мне хана.

– Заходи, – неожиданно смиростивился Дмитрий Иванович, пропуская внука в квартиру. Поглядев на меня, старик немного подумал и сказал: – Евгения Максимовна, вы, это, пока можете идти в свою комнату. Мне тут с внучком нужно пошептаться в интимной обстановке.

Я удалилась в выделенный мне угол и включила приемник, транслирующий звук из подслушивающего устройства, установленного мною минуту назад в коридоре.

– Дед, к тому, что произошло, я не имею никакого отношения. Сергей попросил связаться с тобой, будто бы он хотел предложить тебе... – начал Василий, но дед его прервал:

– Подожди-ка. – Затем мой передатчик испустил предсмертный скрежет и, пораженная, я вырвала наушники. Как Дмитрий Иванович ухитрился заметить «жучок», ведь все отвернулись, когда я его оставила. Хитрая бестия.

В голову мне пришла одна неприятная мысль. Я достала детектор жучков из сумки. Показания прибора красноречиво свидетельствовали, что комната прослушивается. В люстре, как мне показалось, стояла микрокамера.

«Что же, сделаем вид, что я ничего не заметила», – сказала я себе мысленно, убирая детектор.

Я прокралась к двери и чуть приоткрыла ее. «Пусть смотрит, на здоровье. Это укрепит в нем мнение, что я не просекла его аппаратуры», – думала я, прислушиваясь к тихому разговору.

– Дед, у меня серьезные проблемы, – в отчаянии шептал Василий.

– Когда у тебя не было проблем? – с иронией спросил Дмитрий Иванович. – Деньги нужны?

– Да, – обрадовался проницательности деда Василий. – Дашь десять штук?

– Щас прям, – хохотнул Дмитрий Иванович. – Что, у современной молодежи нет такого понятия, как заработать самому? Слышишь только: «Дед, дай!», «Дед, дай!»

– Дед, не грузи меня. Мне и так паршиво, – прохныкал Василий. – Ну хочешь, я перед тобой на колени встану?

– Да по мне хоть в грязи изваляйся, все равно денег не

дам, – спокойно, с оттенком злорадства, проговорил Дмитрий Иванович.

– Тогда я пойду прямо сейчас и повешусь, – пригрозил Василий.

– Да мне плевать, – признался Дмитрий Иванович и, внезапно подобрев, добавил: – А все-таки ты какая-никакая моя кровь. Ладно, есть у меня кое-что. – Послышался шелест полиэтиленового пакета, потом недовольный голос Василия.

– А что я с этим буду делать?

– Не идиотничай мне тут. Отдай своему Сергею, скажи, что у меня спер, – пояснил со злостью Дмитрий Иванович. – Хорошо поторгуешься – можешь и двадцатку срубить.

– У, круто! – обрадовался Василий. – Ты такой добрый, что у меня почему-то мороз по коже.

– Давай, проваливай, – проворчал Дмитрий Иванович. Звякнули засовы, хлопнула входная дверь, и опять звякнули засовы.

Проводив внука, Дмитрий Иванович минут пять похихикивал, повторяя:

– Чертов засранец! Хе-хе-хе... Чертов засранец! Вот получишь у меня!

Слушая хихиканье старика, я мучилась мыслью: что же все-таки Дмитрий Иванович дал внуку вместо денег? В том, что он его «кинул», я не сомневалась.

Зазвонивший внезапно мобильник заставил меня вздрогнуть. На дисплее высветился номер Авдеева.

– Как дела? – поинтересовался директор турагенства. Я пожаловалась, что клиент сводит меня с ума и что я в двух шагах от того, чтобы проверить, крепка ли его шея.

– Как все серьезно, – засмеялся в трубку Авдеев. – Я скоро буду в Тарасове? – продолжил он после некоторого молчания. – Может, сходим куда-нибудь?

– По-моему, мы до конца выяснили этот вопрос в прошлую нашу встречу, – напомнила я холодно.

Авдеев попрощался со мной. Его голос был потерянным и печальным. Переживет.

Разыскав Дмитрия Ивановича в его кабинете, я в лоб спросила Я:

– Ваш внук ввязался в какую-то историю, задолжал денег, поэтому вы боялись, что он придет не один?

К моему удивлению, старик не стал юлить.

– Да, этот засранец постоянно в долгах. Пьет, играет. И после смерти Толика мне действительно страшно открывать дверь даже внуку, – ответил Дмитрий Иванович. – Недавно, представляете, его приятель хотел меня кинуть, да не на того напал.

«Похоже на правду», – подумала я и спросила:

– А вы думаете, что Васька может причинить вам зло?

– Нет, – скривился Дмитрий Иванович, – он постоянно пасется у меня. К тому же по натуре Васька слизняк и не способен на решительный поступок.

– Хорошо. Если вы так уверены... – покачала я головой,

доставая из кармана пачку сигарет.

Дмитрий Иванович быстро открыл выдвижной ящик стола и, выбрав из кучи всякой всячины позолоченную зажигалку, подал мне. Когда я захотела ее вернуть, сказал:

– Оставьте. Это вам компенсирует издержки проживания со мной в одной квартире. Знаю, ведь старики для молодых – что кость в горле.

Надо ли говорить, что позже я обнаружила в зажигалке подслушивающее устройство. Старый параноик!

На кухне Валерия Евгеньевна мыла и сортировала по полиэтиленовым пакетам принесенные с базара мослы. Несколько крупных костей варились в кастрюле, отчего в помещении стоял неприятный запах. Домработница обернулась и вскрикнула, увидев меня в дверях кухни.

– Уф, зачем вы так подкрадываетесь? – выдохнула Валерия Евгеньевна, осев на табурет и хватаясь за сердце.

– У вас тут везде ковры, поэтому громко топать не получается, – резонно заметила я, – но завтра, так и быть, куплю колокольчик и повешу себе на шею, чтобы вы знали о моем приближении.

Домработница словно и не слышала моих слов, зачарованно созерцая кипящий в кастрюле бульон.

– Я положила соль или нет? – пробормотала она, обращая вопрос скорее к себе, чем ко мне.

– Валерия Евгеньевна, мне бы немного кипятка, – попросила я у нее.

– Да, пожалуйста, чайник только вскипел, – очнувшись она. – У нас сегодня на ужин будут щи с говядиной, – обрадовала меня домработница.

– Нет, спасибо. От щей воздержусь, – сказала я и, разорвав пакетик кофе эспрессо, высыпала содержимое в бокал с кипятком.

– И что же вы будете есть? – удивленно спросила Валерия Евгеньевна.

– Да ничего не буду. Не беспокойтесь, у меня кофейная диета – по бокалу три раза в день, – успокоила я домработницу.

Окинув меня критичным взглядом, Валерия Евгеньевна любопытствовала, зачем мне, и так склонной к дистрофии, диета?

– Щи-то постные, без жира, – убеждала меня домработница.

Что они без жира и без мяса, я и сама видела. Но не говорить же ей, что мне не хочется есть помой. Схватив свой кофе, я ретировалась с кухни.

Позже, подперев дверь своей комнаты стулом, я достала из сумки приготовленную тетей Милой провизию. Ужинать за одним столом с моим подопечным и его домработницей я не собиралась по двум причинам: во-первых, то, что они едят, начисто отшибает всякий аппетит, а во-вторых, мне, мягко говоря, была не очень приятна их компания.

Уплетая за обе щеки холодные голубцы, я размышляла

над тем, как решить вопрос моего питания в этой квартире. На ум приходило несколько вариантов. Покупать продукты самой, и пусть Валерия Евгеньевна готовит для меня отдельно, или питаться в ближайшем кафе. Также можно ездить к тете Миле. Каждый путь нес в себе те или иные недостатки. Например, ездить каждый день к тете Миле далековато. Еда же из кафе любого доведет до язвы желудка. Я даже начала подумывать, а не начать ли самой готовить, но затем отвергла эту идею. Ведь из-за готовки у меня не останется времени выполнять свои обязанности.

Собрав остатки трапезы в пакет, я пошла на кухню предложить Валерии Евгеньевне стать моим личным поваром, однако предложение застряло у меня в горле.

Валерия Евгеньевна к моему приходу выложила сваренные кости из кастрюли на тарелку, перелила готовый бульон в кастрюлю побольше и теперь кипятила в нем четыре прямоугольных оструганных обрезка обычной сосновой доски. Двумя половниками она удерживала доски в бульоне, чтобы они не всплывали. Более дикого и непонятного зрелища я не видела и в самом страшном сне. У плиты на моих глазах орудовала буйнопомешанная. По коже побежали мурашки – куда я попала?

Я незаметно проскользнула к мусорному ведру, чтобы потихоньку избавиться от пакета с отходами, но в последний момент была замечена, и звук падающих на пол половников заставил меня вздрогнуть и резко обернуться.

– Да что же вы так подкрадываетесь? – воскликнула домработница, держась за сердце.

Мой взгляд невольно устремился к всплывшим в кастрюле доскам. Валерия Евгеньевна это заметила и сказала будничным тоном:

– Я доски хорошо помыла. Покипят еще минут пятнадцать, потом выну и запущу картошку.

– Да, да, конечно, – торопливо закивала я, соглашаясь, – сосновые чурбаки самые наваристые. Я и сама так делаю. – Говоря, я медленно пятилась к двери.

– В каком смысле чурбаки наваристые? – нахмурилась домработница. Рядом с ней на столе лежал огромный тесак, что наводило меня на тревожные мысли о возможной внезапной вспышке ярости, которую может вызвать мой неправильный ответ. Нужно было замять опасную тему.

– Ой, спать что-то хочется, – зевнула я, прикрывая рот ладошкой, – пойду в свою комнату посплю. Первый день на работе всегда самый тяжелый.

– Это от недоедания, – покачала головой домработница. – До чего же сейчас девушки себя доводят.

– Да, да, вы правы, – пробормотала я, пятясь в коридор. Спинай я наткнулась на бесшумно подошедшего сзади Дмитрия Ивановича. Я едва не зарядила ему под дых от неожиданности.

– Смотрите себе под ноги, – ворчливо прокаркал старик, отодвигая меня в сторону.

«Интересно, что он сейчас скажет, заметив в щах пиломатериалы? – подумала я, бормоча извинения.

Дмитрий Иванович прошел на кухню, заглянул в кастрюлю и, как не в чем ни бывало, велел Валерии Евгеньевне выложить доски на тарелку, остудить и принести ему в кабинет, добавив еще к блюду три сырых яйца.

Я бросилась в свою комнату, схватила сотовый и стала звонить Антону.

– Что-то случилось? – испугался тот, поняв, кто ему звонит.

– Нет, все в порядке, если можно так сказать, – заверила я его и, озираясь на «жучки», спрятанные в комнате, шепотом спросила: – Я не хочу вас оскорбить, но не замечали ли вы в поведении вашего отца или его домработницы странностей, чего-нибудь, что наводило бы на мысль об их невменяемости?

– Вы говорите прямо как мой брат, – ответил Антон, ничуть не смутившись. – Мой брат постоянно твердит, что у бати съехала крыша и он может натворить что угодно. Но я вот что вам скажу: он просто старик, а у стариков до черта всяких причуд. Просто не парьтесь этим.

– А представьте ситуацию, что ваш отец стал подозревать меня в сговоре с людьми, покушавшимися на его жизнь, и решает меня устранить, нападает на меня. Что мне делать в этом случае? – спросила я с нажимом.

– Мой отец не маньяк и не буйнопомешанный, – обиделся

Антон. – Такого, как вы говорите, не может быть никогда!

– Хорошо, хорошо. Вы его знаете лучше, чем я, вам виднее, – пошла я на попятную.

– Естественно, – буркнул Антон.

– А не знаете, у вашего отца в квартире есть какое-нибудь оружие? – спросила я.

– Да. У отца наградной пистолет, – обрадовал меня Антон. В дверь осторожно постучались.

– До свидания, – бросила я Антону и выключила телефон. В комнату осторожно заглянула Валерия Евгеньевна.

– Дмитрий Иванович просит передать, чтобы вы пришли на кухню. Мы будем пить чай, – сказала она, напряженно улыбаясь.

– Я не хочу, спасибо, – ответила я.

– Но Дмитрий Иванович хотел с вами о чем-то важном поговорить, – не унималась домработница.

– Вот черт. – Я вздохнула и поплелась на кухню, прихватив с собой на всякий случай револьвер. Оставлять его в комнате без сейфа в квартире с двумя психами не хотелось.

Дмитрий Иванович сидел за столом лицом к окну. В одной руке у него был стакан с чаем, а в другой кусок пасхального кулича.

– Почему вы нас игнорируете, Евгения Максимовна? – спросил старик, глядя на меня поверх очков.

– Мне просто не хочется чаю, – сказала я, опускаясь на стул.

– Чай всего лишь предлог, дело в общении, – просветил меня Дмитрий Иванович, вгрызаясь зубами в окаменевший кулич.

– Не бойтесь за свои зубы? – спросила я.

Антиквар захихикал, а Валерия Евгеньевна, готовившая мне чай из одноразового пакетика, с гордостью сказала:

– Между прочим, у Дмитрия Ивановича все зубы свои, и он ни разу в жизни не ходил к стоматологу.

– Надо же, – с недоверием пробормотала я, на что Дмитрий Иванович продемонстрировал окулий оскал ровных белых зубов и с вызовом сказал:

– А вы, барышня, можете таким похвастаться?

Я ответила ему таким же оскалом, думая, что везет же некоторым. Мне самой уже вырвали один зуб мудрости, а два других лечили, и я даже не мечтала дожить до семидесяти, сохранив все зубы в идеальном состоянии. До сегодняшнего дня я считала, что это невозможно. Дмитрий Иванович же продолжал глумиться надо мной.

– Современное поколение привыкло легко жить. Питаются всякими кашками, йогуртами, вот зубы-то и выпадают. Вы-то пока можете хвастаться своими зубками. Вам ведь, Евгения Максимовна, сейчас двадцать семь. А что будет, скажем, в шестьдесят? После йогуртов и сладких творожков?

– Во-первых, до шестидесяти я не доживу, – заверила я Дмитрия Ивановича, – и для сведения – я не ем сладких творожков и кашек.

– Будете кулич к чаю? – поинтересовалась у меня Валерия Евгеньевна. – У меня знакомая в магазине работает. Она мне целый мешок отдала бесплатно. У них после Пасхи остались.

– Нет, спасибо, – ответила я, ища глазами, куда положить использованный пакетик. Валерия Евгеньевна проворно подсунула мне тарелку.

– Вот сюда. Высохнет – можно будет еще раз или два заварить.

Сколько раз его использовали до этого, я даже не стала спрашивать, твердо решив не прикасаться к сомнительной жидкости, называемой в этом доме чаем.

– Валерия Евгеньевна, если вам не трудно, налейте мне еще чаю и дайте своих прекрасных куличей, – попросил Дмитрий Иванович.

– Щас.

– Валерия Евгеньевна залезла в большой бумажный мешок, стоявший в углу у холодильника, и вынула оттуда кулич, положила на разделочную доску и ударом молотка расколола его на мелкие части, смела все рукой в тарелку и подала Дмитрию Ивановичу. Кусок кулича, упавший на пол, домработница без смущения подняла, сдула пыль и тут же с аппетитом съела.

Наблюдая за Валерией Евгеньевной, я забылась и хлебнула из кружки помойного чая. Опомившись, поперхнулась и закашлялась.

– Пейте аккуратнее, не торопитесь, у вас никто не отни-

мает, – посоветовала домработница.

Я хотела ответить ей в резкой форме, но в эту секунду оконное стекло звякнуло, словно его пробила пуля. Так и есть – с улицы кто-то стрелял по нашим окнам. Понимая, что опоздала на доли секунды, я бросилась на Дмитрия Ивановича, сбила его со стула и накрыла своим телом. Следующая пуля взорвала стакан с горячим чаем, который несла Валерия Евгеньевна. Чай выплеснулся из подстаканника на пол, ошпарив женщину. Та вскрикнула, не понимая, что происходит. Третья пуля обрушила стекло и хлопком погасила лампочку в люстре. Комната погрузилась во мрак.

Чувствуя в темноте запах крови, я рванула на себя безжизненное тело Дмитрия Ивановича и привалила его к стене. Хотела кинуться к Валерии Евгеньевне, застывшей в проеме окна, освещенного уличным фонарем, но новые пули вспороли пространство передо мной, осыпая остатки оконного стекла, подбрасывая и разрывая посуду на столе, раскалывая столешницу на щепки.

Я отшатнулась, избежав ранения, и только успела заметить, что снайпер работал из дома напротив. По вспышке я точно засекла его местоположение в подъезде на третьем этаже. Когда в стрельбе наступила пауза, я вышла на линию огня со снятым с предохранителя револьвером и выстрелила четыре раза в темный проем окна, затем прыгнула и сбила с ног маячившую посреди кухни домработницу. Удивительно, что она вообще еще была жива. Ведь вокруг нее буше-

вал настоящий смерч из пуль. Шли секунды, а снайпер не выдавал своего присутствия. Валерия Евгеньевна стонала и всхлипывала рядом со мной.

– Вы ранены? – спросила я.

Не получив ответа, я быстро ощупала женщину. Валерия Евгеньевна была цела и невредима. Я поползла вдоль стены к Дмитрию Ивановичу. Он сидел в том же положении, в котором я его оставила, не шевелясь и не издавая никаких звуков, которые могли бы сказать, что он жив. Подобравшись к старику, я коснулась его лица и резко отдернула руку, почувствовав под пальцами липкую вязкую кровь.

«Неужели? – молнией пронеслось в моем мозгу. – Охраняю человека несколько часов, и он уже мертв».

Вытащив из кармана подаренную мне зажигалку, я осветила ею тело своего подопечного. Лицо Дмитрия Ивановича, перемазанное в крови, выплыло мне навстречу из темноты. Широко раскрытые глаза, не мигая, смотрели прямо на меня. Даже после смерти их взгляд был пронзительным и насмешливым. Я судорожно вздохнула, а «мертвец» внезапно моргнул и с кривой улыбкой осведомился:

– Что, девочка, наложила в штаны от страха?

– Проверять некогда, – раздраженно бросила я, у вас полголовы в крови, надо осмотреть и сделать перевязку.

Дмитрий Иванович потрогал висок и, увидев на пальцах кровь, завопил как резаный. Пламя зажигалки погасло.

– У меня полголовы оторвало! – орал старик в темноте. –

Я не чувствую правую часть тела! Меня парализовало! В глазах темно.

Я высекла из зажигалки язычок пламени, осветила Дмитрия Ивановича сбоку и рывкнула на него:

– А ну, прекратите истерику! Я вижу только царапину на виске, и ухо немного задето.

– Почему так много крови? – всхлипнул Дмитрий Иванович и рванулся с пола.

Я бросилась за стариком. Он выбежал в коридор, включил свет и остановился перед большим зеркалом, заламывая руки.

– Меня чуть не убили, чуть не убили! – повторял он беспрестанно.

Черт с ним. Я ринулась к входной двери. Если поторопиться, то при определенном везении можно еще застигнуть снайпера вблизи от дома.

– Куда вы?! – завизжал Дмитрий Иванович мне в спину.

Я открыла рот, чтобы объяснить, но старик бесцеремонно прервал меня срывающимся на крик голосом:

– Не прикасайтесь к двери! Они могут быть там. Немедленно вызывайте «скорую» и милицию.

Я молча убрала револьвер, подошла к стоявшему на трюмо телефону и выполнила приказ.

– Боже мой, еще бы сантиметр – и все, – шептал Дмитрий Иванович своему отражению в зеркале. – Они мне за все заплатят, за каждую разбитую тарелку...

– Кто они? – спросила я.

Дмитрий Иванович посмотрел на меня с ненавистью.

– Почему я знаю! Меня весь мир ненавидит! – прокричал он. – Где эта чертова милиция?

Я вспомнила о домработнице. Что-то она притихла. Я прошла на кухню и обнаружила ее стонущей в углу у холодильника. Ухватив Валерию Евгеньевну за подмышки, я потащила ее прочь из разгромленной кухни, где по всему полу валялись осколки стекла и посуды. Домработница сопротивлялась. Вцепившись мертвой хваткой в мешок с куличами, она волокла его за собой. Я ругалась на чем свет стоит. Лицо покрылось испариной. В Валерии Евгеньевне было не меньше восьмидесяти килограммов, и тянуть такой вес, когда он еще сопротивляется, задача архитрудная. Дотащив женщину до мягкого диванчика в коридоре, я, несмотря на протесты Дмитрия Ивановича, сгрузила ее туда, а сама помчалась на кухню в надежде найти какое-нибудь успокоительное средство, способное заткнуть глотки обоим пострадавшим.

Ждать милицию пришлось долго. Еще дольше пришлось ждать врачей, якобы перепутавших адрес.

Следователь задавал кучу вопросов, причем в основном мне, так как Дмитрий Иванович ловко имитировал невменяемость, отвечая на вопросы путано и противоречиво, а Валерия Евгеньевна все время плакала и рвалась подобрать с пола куличи, по которым безжалостно топтались эксперты. У меня проверили лицензию телохранителя, разрешение на

ношение оружия и посоветовали некоторое время, пока будет вестись расследование, не выезжать из города.

Закончилась вся эта карусель около часа ночи. Как только посторонние убрались из квартиры, Валерия Евгеньевна мгновенно преобразилась: перестала плакать, безумно таращить глаза и рвать на себе волосы. Трезвым, спокойным голосом она спросила Дмитрия Ивановича, убирать ей беспорядок на кухне или отложить до завтра.

– Подождет до завтра, – ответил он спокойно, рассматривая повязку. – Сколько времени у меня отняли эти болваны в форме. Черт бы их всех побрал со всеми их вопросами.

– Вы же сами кричали «вызовите немедленно милицию», а потом не стали даже с ними разговаривать, – заметила я.

– А о чем мне с ними разговаривать? – с яростью спросил Дмитрий Иванович. – Вместо того чтобы болтать и топтать мои ковры, они бы лучше убийцу ловили. Пинкертон сраные!

– Ладно, пойду спать, – бросила я устало.

Так закончился первый день в доме антиквара.

Утром, выпив чашку кофе с булочкой из домашних запасов, я надела на Дмитрия Ивановича с вопросами о возможных причинах покушения. У него не было ни малейших сомнений, что цель стрелявших – заполучить его богатство.

Мрачная Валерия Евгеньевна принесла антиквару в кабинет, где происходил наш разговор, алюминиевую кружку с чаем и измельченный кулич. Дмитрий Иванович неодобри-

тельно посмотрел на кружку и произнес:

– Такое ощущение, что я на зоне. Другой кружки не было или бокала какого-нибудь?

– Нет, вчера все побили, – виновато развела руками домработница. Я даже сахар из разбитой сахарницы пересыпала в стеклянную банку, – и, подумав, спросила: – А можно взять бокал из зелененького сервиза?

– Нет! – испуганно вскричал Дмитрий Иванович, будто ему собирались оттяпать ногу, – даже не приближайся к нему.

– В трюмо я видела большую глиняную кружку, – вздохнув, предложила Валерия Евгеньевна.

– Нет, ее тоже нельзя! – Я буду пить чай из этой чертовой кружки, только ничего больше не трогай!

– Да хорошо, хорошо, – воскликнула Валерия Евгеньевна, – не буду ничего трогать, – и, уходя, тихо пробормотала: – Старый хрен.

– Что? Что ты сказала? – взвился Дмитрий Иванович. – Это ты мне... Ты!..

– Я говорю, хрен старый, – громко и отчетливо сказала домработница прямо в лицо антиквару. – Хотела сделать хреновую закуску, а хрен в холодильнике весь высох. Не знаю, получится ли теперь.

Дверь за Валерией Евгеньевной закрылась, и из-за нее тихо, но отчетливо слышалось:

– Старый хрен.

Дмитрий Иванович взвыл. Однако потом, сообразив, что рядом нахожусь я, взял себя в руки.

– Хорошую домработницу сейчас найти трудно. Тем более человеку моей профессии, – сказал он, как бы оправдываясь. – Валерия Евгеньевна работает у меня одиннадцать лет и заслужила мое доверие. Поэтому и приходится закрывать глаза на некоторые... оплошности.

– Я понимаю вас, – заверила я Дмитрия Ивановича. – А скажите, пожалуйста, в своем завещании вы случайно не упомянули домработницу? А то, может, ей после вашей смерти достанется какой-нибудь солидный кусок.

– Вы намекаете, что это Валерия Евгеньевна наняла снайпера? – спросил антиквар и от души рассмеялся. – Извините, – сказал он, успокоившись, – просто я давно не слышал ничего более нелепого.

– Я проверяю все возможные версии.

– Вы знаете, в какой организации я работал? Думаете я не в состоянии подобрать для работы в своем доме человека?

– Я этого не говорила, – сказала я.

– Я перебрал сотни кандидатур, перед тем как принять решение. Уж поверьте, я проверил Валерию Евгеньевну в сто раз тщательнее, чем спецы проверяют путь следования президента. Одиннадцать лет ее верной и преданной работы доказали, что я не ошибся. Можно подозревать кого угодно, только не ее.

– Я вам верю, однако за эти годы, что она вам служит, что-

нибудь могло измениться, – предположила я, – сами же сказали, что прошло одиннадцать лет. Что вы знаете о домашнем окружении Валерии Евгеньевны, о тех, с кем она общается?

– Все ее окружение сводится к единственному сыну. Больше у нее нет живых родственников, – раздраженно сказал Дмитрий Иванович. – Общается она или со мной, или с сыном. А насчет завещания... так вот – я ей ничего не завещал!

– Ладно, не горячитесь – я только хочу уяснить ситуацию, – примирительно сказала я и тут же спросила: – А чем занимается ее сын сейчас?

– Вот же пристала! – хлопнул ладонями по столу Дмитрий Иванович, сделал паузу, а потом проговорил: – Сын на нефтеперерабатывающем заводе работает. Я его лично устроил. Хорошо получает. Женат, двое детей. Дом – полная чаша.

– Вот спасибо, что сказали, – обрадовалась я, – у меня теперь последние подозрения отпали касательно вашей домработницы.

– Отпали у нее, ишь ты! – пробурчал недовольно Дмитрий Иванович.

– Перейдем теперь к вашим родственникам, – предложила я. – Как вы думаете, кто-нибудь из них способен нанять киллера, чтобы завладеть вашими деньгами?

Антиквар от моих слов чуть не подавился пересошим куличом. Запив кулич чаем, старик излил на меня все, что накипело у него на сердце по поводу родни. Самые мягкие

слова, используемые им, были «суки», «подонки», «твари» и «педерасты».

– Все, хватит. До меня начало доходить, – повысила я голос, перекрикивая его гневный монолог. – Скажите, как распределяются среди родственников ваши материальные средства в случае вашей смерти?

– Хе-хе, как распределяются... хе-хе... среди родственников, – мерзко захихикал Дмитрий Иванович, потирая руки, и внезапно заорал с дикой радостью так, что я подпрыгнула. – Вот им! Кукиш с маслом! – Он сунул мне под нос фигу, будто я была одним из его родственников, и пояснил: – Я все свои деньги и имущество завещал городскому краеведческому музею. Не думаете же, что работники музея решили меня устранить, тем более они даже не знают об ожидающем их богатстве.

– А ваши родственники знают о вашем завещании? – спросила я, слегка ошалев от такой вести.

– Нет, конечно. Я никому об этом не говорил. Иначе бы они совсем свихнулись, – улыбаясь, сказал Дмитрий Иванович. – Даже Антон не знает.

– Иными словами, ваши родственники формально имеют мотив для совершения покушения? – подытожила я.

– Еще как имеют, – поддакнул старик.

– Поскольку я слабо разбираюсь в антиквариате, поясните мне, Дмитрий Иванович, насколько сильна среди вас, коллекционеров, конкуренция, – попросила я его. – Мог ли кто-

нибудь из ваших коллег нанять снайпера?

– Могли. Они могли, уверяю вас, – согласился Дмитрий Иванович. – Все антиквары как пауки, сидят по своим ногам, собирая в сети все, что попадется. А сведи двух вместе – обязательно один другого сожрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.